

Виктор Давыдов

Виктор Иванович Давыдов родился 20 апреля 1939 года – коренной прокопчанин. Почти сорок лет своей жизни отдал предприятиям угольной промышленности Прокопьевска. Выйдя на пенсию, работал около 30 лет тренером по шахматам в «ДЮСШ №2». Автор книг: «Шахта «Центральная» (3-3 бис)», «Открытки – покорители недр», «Иван Борисов – первый стахановец Кузбасса», «Там целый город под землёй», «Единый коллектив», «Калейдоскоп жизни Павла Ярового», «Шахтёрские истории»; соавтор книг: «Шахтёры», «Жемчужина России», «Шахтёрские бригадиры Кузбасса» и др. Является кавалером знака «Шахтёрская слава» III степени, удостоен звания «Ударник коммунистического труда», награждён медалями «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени, «За веру и добро». Лауреат звания «Человек года – 2003» города Прокопьевска.

Член «Союза журналистов России» с октября 1986 года.

Пятиактавное пианино

усиливать свои скрытые резервы?

Вроде бы на жизнь свою Петру Макаровичу было грех жаловаться, на хлеб-соль всегда зарабатывал достаточно благодаря своему неустанному труду. Не обходили его вниманием на художественных городских выставках: его работы неизменно вызвали восхищение посетителей.

Но всё же думается, каким же напряжением физических и духовных сил приходилось добиваться относительного благополучия инвалиду войны?

Мне очень жаль, что не довелось увидеть то пианино, которое делал этот умелец целых шесть лет, играл на нём в течение пятнадцати лет, а потом... сломал. Вынужден был сломать из-за стеснённых жилищных условий – не помещалось в квартире, а в неотапливаемой пристройке от мороза механизм расстраивался и портился.

Придёт же когда-нибудь такое время, когда для одарённых людей будут создаваться условия, чтобы ничто не мешало их творчеству...

– Не знаю, чем и объяснить, а трудовая сноровка появилась у меня ещё в детстве, – начал свое долгое повествование Петр Макарович. – Начал помогать я своей семье в пропитании с двенадцати лет. Жизнь заставила или у меня такой талант на изобретательскую деятельность природой дан...

Отец умер от тифа, тифом болели мать и две сестрочки. А мы с дедом не болели. Семян не было – продрозверстка из амбаров всё выгрела. И как уж я сообразил – иголки для шитья делать? Попробовал как-то, нашёл подходящую проволоку и заточил кирпичом как наждаком. Показал деду, тот одобрительно погладил по голове. Ну, я и начал трудиться. Наделал их полный спичечный коробок и пошёл по домам меняться.

Жили мы в деревне Буланиха Алтайского края. Большое село, около двух тысяч домов. Ушёл я в дальний конец деревни, где меня почти не знают. Подошёл к одной ограде, стучусь. Выходит тётка:

– Нечего подавать! Много вас ходит!

– Да я не милостыню пришёл просить, я иголки продаю.

Она как всплеснёт руками:

– Иголки!

Сами понимаете, в деревне рукодельницам-бабам без иголок просто беда. Кликнула соседок. Обступили меня, хвалят товар. Насыпали мне зерна за

иголки. Еле тащу. И вот этой кашей в ту голодную зиму прокормились.

В 22-м году мода пошла на чёрные рубахи с большими перламутровыми пуговицами. Так я эти самые пуговицы наловчился из ракушек делать. До того освоил это производство – до сотни пуговиц в день!

А вскорости мы перебрались в село Кыргай. Стали осваиваться на новом месте. Старший-то брат с соседом в поле трудятся, по весне пахут землю. А я с дедом, мне ещё только 15 лет исполнилось, дома сидим. Дед ворчит на меня:

– Чего зря дома сидеть, шёл бы в работники!

А я не хотел в работники идти, потому что, как это глупо ни выглядит, очень грозы боялся. Этот детский страх старательно скрывал от родителей. Мне всё казалось, только выйду на улицу, начнётся гроза и молния попадёт именно в меня!

Однажды, пересилив глупый страх, зашёл к своему приятелю в гости. А его отец, инвалид гражданской войны, предлагает:

– Иди ко мне в работники, за весну два мешка ржи заработаешь!

Я над его предложением размышляю, а у самого мысли в другую сторону идут! Дело в том, что этот мужик сокрушается о том, что нет у него пестерков. Дрожки есть, а пестерков нет. Чтоб вам понятнее было, поясню: пестерки, это вроде кузова, сплетённого из прутьев, который ставится на телегу – дрожки.

И вижу я, у этого хозяина в амбаре дыра, через которую видны обломки старых пестерков. И смекнул про себя: вот чем мне надобно заниматься! Делать пестерки!

Надо признать, да этого и не скроешь, человек я неграмотный. Хотя и отчислили меня из школы за грамотность. Вот ведь как получается, кого-то отчисляют за неграмотность, а меня вот, так уж получилось, за «шибкую» грамотность!

Вот как это получилось. Прислали к нам в деревню Кыргай в 1922 году ликвидатора неграмотности. А никто из молодежи не идёт на занятия, потому что у нас свои заботы. Девки каждый вечер берут свои кудельки и идут на посиделки: сегодня к одной девчонке, завтра к другой, по очереди.

До пятнадцати девчат собиралось в одну хату. А мы, ребята, стоим за порогом, сказки потихоньку рассказываем.

И нам нисколько не скучно, ни о каком образовании мысли не появляются.

Но вот в одно время сидим мы на вечерке, как заходят и председатель колхоза, и милиционер:

– Ну что, дорогие товарищи! Ребята и девчата, – обращается к нам, – соберите свои кудельки и пошли в школу!

Вот так, под арестом, мы и пришли в школу! Давалась мне, двадцатилетнему парню, грамота довольно быстро. Сам не знаю, откуда, а я уже все буквы знал. И вскорости почувствовал, что ликвидатор знает немногим больше меня. А то, что он нам показывал: как буквы складывать, решать примеры, я всё это с первого раза усваиваю. Пока он пример пишет, я уже решение знаю.

Через семнадцать дней признаёт он меня грамотным и говорит: «Ты больше в школу не ходи! Ты свою безграмотность ликвидировал!».

И меня исключили с занятий. Что делать? Девки все и ровесники в школе, один я не при деле!

И надумал жениться. Уговорил свою Романовну, и так с тех пор, с 1929 года, и живём вместе!

Жили мы с братом одной большой семьей. Восемь человек и дед с нами. Хозяйство приличное, своим трудом завели корову, четыре рабочих коня и два подростка, жеребёночка, значит, и другую живность. Приобрели свою молотилку, веялку, имели свой посев до восьми гектаров.

Весной, после гражданской войны, уехали в тайгу. Там лесничий отвёл нам делянку, и стали мы с братом лес на дом заготавливать. Старый-то становился для нашей семьи тесноват. За лето заготовили 130 хлыстов, а осенью свозили в штабеля. Заготовили лес на хороший крестовый дом. Крестовым домом называется хата из четырех комнат. Только строить не довелось.

Весной 1930-го началась коллективизация, и наш лес свезли в колхоз. Сдали мы лошадей и коров. И весь инвентарь забрали. Оставили нам только десять из двадцати овец.

Брат вступил в колхоз, а я не захотел. Устроился работать ветеринарным санитаром. Вдвоём с ветеринарным врачом обслуживали несколько сельсоветов: Красулино, Котино, Соколово, Большую Талду, Карат, Терентьевск, Кыргай. В каждом сельсовете множество деревень-колхозов. Работали, как на себя, с утра и до позднего вечера. Ох, и работы было! Не то, что

В музее трудовой славы шахты «Центральная» внимание посетителей привлекает небольшая музыкальная шкатулка, выполненная в виде граммофона. Спрашивают: «А шкатулка играет?».

Я поворачиваю небольшой рычажок, и звучит мелодия хорошо известной песни «Степь, да степь кругом...». Люди внимательно рассматривают шкатулку, восхищаются мастерством умельца. Резная, из дерева, всё сделано вручную, за исключением механизма вращения барабана, который взят от будильника.

Шкатулка открывается, и внутри можно увидеть механизм, приводящий в движение барабан со штырьками, которые в определённой последовательности шиплют поющую металлическую пластинку.

И, конечно же, вопрос: «Кто это чудо сделал?» Отвечаю, что шкатулку и остальные поделки: миниатюрный стол с четырьмя венскими стульчиками, крошечные туфельки, которые наверняка подойдут на ножку Дюймовочке, несколько картин – всё это подарок шахтовому музею от народного умельца Петра Макаровича Антонова. К этому добавляю, что Петр Макарович является инвалидом первой группы после финской войны.

На этом мои сведения исчерпываются. А людям этого мало. Да и самому хотелось бы поближе познакомиться с этим человеком. Тем более, что живёт рядом, по улице Комсомольской.

Бывал неоднократно в гостях у Петра Макаровича и его жены Ксении Романовны. И продолжались наши беседы порой до самого позднего часа, потому что всего пережитого за долгую жизнь в одной беседе невозможно пересказать.

Оказалось, что помимо таланта художника, резчика по дереву, сапожника-модельера, музыканта и мастера по настройке музыкальных инструментов, Пётр Макарович являлся ещё и прекрасным рассказчиком.

Откуда у человека такие способности? Способности творить, несмотря на увечья и стеснённые жилищные обстоятельства. А, может быть, именно такие условия, в которые порой ставит жизнь, и заставляют организм

сейчас наступили времена: нормированный день, в каждом колхозе свои ветеринарные врачи.

Дважды в контролируемом нами районе эпизоотия (эпидемия, значит) приключалась.

В первый раз до падежа не допустили. Когда выявили сибирскую язву, то управились своевременно, сделали прививки.

А в другой раз случилась «повалка», это когда скотина стала в массовом порядке гибнуть от воспаления лёгких. Очень заразная болезнь, быстро передаётся. А причиной послужило то, что при организации товарно-молочных ферм сгоняли скот из разных хозяйств, и из Монголии пригнали. Среди них попадались и заражённые.

Мы при первых же случаях падежа сделали анализ, установили: сибирская язва. Что мы могли сделать? В нашем распоряжении сыворотки было всего на сто голов, а требовалось как минимум на 700 голов. Падёж продолжался. Единственное, что могли сделать, так это для предупреждения распространения болезни уничтожить всех заражённых.

В тот раз пало около сотни голов. Нас арестовали: меня с ветеринарным врачом, председателя колхоза и ещё несколько человек. За подрывную деятельность.

Продержав десять дней в тюрьме, выпустили меня под подписку. Следователь пожалел, всего 23 года мне было, и отпустил! А остальных увезли в городскую тюрьму, и о дальнейшей судьбе их я больше ничего не знаю.

В Прокопьевск с семьёй перебрался в конце лета 1939-го. Рассиживаться не приходилось, на руках двое ребят-шек, пошёл искать работу. Зашёл на конный двор шахты «Чёрная гора». Смотрю, два старика копаются, сбрую чинят. Разговорились, выпытываю, чем занимаются, да каков заработок.

— Работа самая разная, — отвечают. — Где ограду починить, когда с хлебозавода привезти отруби и овёс для шахтовых лошадей. И вот, сбрую надо чинить... Выводят нам зарплату по 85-90 рублей...

И тут же сообщают, что был у них мастер-каретник, и что сейчас это место свободное.

Пришёл я к заму по хозяйству, представился. Повёл он меня на конный двор попытать, к чему я склонен. А я огляделся вокруг, увидел сломанные кошёвки и говорю:

— Ну вот, буду вам кошёвки делать!

И запросил за свою работу 250 рублей в месяц, жалование, значит, такое себе затребовал. Согласился!

Работаю я, значит, день, другой, мастерию кошёвку. Прибегают вдруг за мной:

— Тебя направляют на хлебозавод за овсом, поедешь сейчас.

— Никуда я не поеду, — отвечаю.

Вызывают меня к заместителю зав. шахтой:

— Как не поедешь! Да ты знаешь, что за это бывает! Уволю!

— Увольняйте, — отвечаю. — Только я устроивался к вам кошёвки делать,

потому что я мастер своего дела. И на посторонние работы не пойду!

Покипятился, покипятился заместитель, потом остыл:

— Давай покурим, да всё спокойно обсудим. Давай-ка, твою работу посмотрим.

Пришли в мастерскую, он осмотрел начатую мной работу — я уже начал плести кошёвку. Покачал головой:

— Да, тут надо голову иметь, — сказал он и ушёл. Прошло дня четыре, прибегают рассыльный:

— Тебя зовут в контору!

— Всё! — думаю. — Увольнять будут!

А оказалось, что меня разыскивают из леспромхоза, что расположен за деревней Смышляево. Их начальник знал меня ещё по Терентьевску, где я мастерию пестерки.

— Знаешь ли, — объясняет он мне, — мы организовали артель, в которой будут производиться очень много поделок. А вот делать пестерки и кошёвки некому. Мы тебе дадим людей, а ты будешь только их учить. И зарплату тебе дадим 600 рублей. И дом готовый.

И вижу я, что зам заволновался, что переманивают работника, говорит:

— Но ведь и мы с нового года повысим зарплату! А как только появится возможность, то и квартиру дадим.

Не стал я менять работу по одной причине: в леспромхозе не было школы, в которой мои ребята могли бы учиться.

За небольшое время сделал я на шахте две кошёвки. Моя работа понравилась начальству. Заведующий по углю Хренов как-то спрашивает:

— Можешь ли сделать такую пролётку, чтобы подобной во всем городе не было?

— Сделаю! — отвечаю. — Не то что в Прокопьевске, а и в области не найдёте! Только дайте распоряжение кузнецам, чтобы они по моим чертежам все мои заказы выполняли! И по этим чертежам чтобы изготовили всякие витые фигурки и железные полозья.

А за прутьями поехал в Зенково (посёлок небольшой, сразу за городом Прокопьевском, сейчас там располагается зона отдыха), разыскал я там лесничего, чтоб испросить разрешение на заготовку прутьев, нужных для моего дела.

Подобрал в лесу материал, какой хотел. Лесничий взглянул на мой «лес» и рассмеялся:

— Да это же даже и на дрова никто не возьмёт! Какие-то загогулины!

— Для кого-то это и просто загогулины, — отвечаю ему — А для меня самый первосортный материал, мне же его ни гнуть, ни ломать — он уже самой природой загнут так, как мне надобно. Остаётся только распилить в определённых местах.

Смастерил я кошёвку для пары лошадей. Красота! Люди всегда вокруг неё толпятся, разглядывают.

Какие вещи делал! Сходу, не имея на то способностей, не сделаешь. Делать, так делать! Со временем я уже не считался и сам себя не подгонял. Известное дело, поспешишь — людей насмешишь.

Проработал я на шахте «Чёрная гора» всего-навсего пять месяцев. Даже не успел четвёртую кошёвку закончить, призвали меня на войну с Финляндией. Было это в январе 1940 года.

Полтора месяца вместе с другими новобранцами тренировали в стрельбе из винтовки, обучали ведению ручного боя. А непосредственно в боевых действиях довелось участвовать всего двадцать дней.

В тот же день, когда прибыла наша рота, уже вечером попали под обстрел. Был конец февраля. Кругом леса и болотистые места, вдобавок к этому сильные морозы стояли.

Мы — в наступлении. Продвинулись на Петрозаводском направлении где-то больше сотни километров. Какие постройки были, финны при отступлении сожгли. Мы, как правило, идём в наступление по глубокому снегу, гуськом. Противник пропускает мимо себя, а затем со всех сторон начинает поливать огнём из автоматов и пулемётов.

Очень сильно стреляли финны. Во всём взводе осталось пять человек. Кто убит, кто ранен. Утром поступило пополнение, а к вечеру следующего дня снова взвод поредел.

Финны бьют нас прицельным огнём, а мы их даже не видим. Командир роты кричит: «Вперёд!». А сам находится где-то сзади. И показалось мне, что он крепко выпивши.

Сейчас-то понимаю, что зазря людей губили, бездарно велись боевые действия...

Вот так и воевали... Я — солдат, сегодня делаю одно, завтра другое, что прикажут. Беспрекословно. В тот роковой день назначили меня в санитарную команду. Это, значит, оказывать помощь раненым, выносить их с поля боя.

И вот под вечер кое-кого из солдат постреляли. Подполз я к одному из подбитых ребят, лежащему в перелеске. Добрался, спрашиваю:

— Куда ранило?

— В ногу! — кричит он. — В ногу!

Осмотрел его рану и успокаиваю:

— Ну, ничего! Сейчас всё сделаем, как надо: перевяжу рану, а потом уложу на нарты. А там, глядишь, кто-нибудь из наших и поможет.

Сделал перевязку и стал на нарты укладывать. Только приподнялся, как меня из пулемёта очередью шибануло. Ногу, как мясорубкой, перемололо.

Лежу, боли не чувствую, потому что в шоковом состоянии. Ясно сознаю, что через час помру от потери крови. Надо бороться за жизнь, словно со стороны думаю: «Надо что-то делать!». Рассчитывать приходится только на себя. Достал перочинный ножик, срезал ремень от противогаза, обмотал им ногу выше раны и черенком сапёрной лопатки закрутил туго, словно жгутом. Ничего не чувствую — ни раны, ни ноги.

Закопался в снежном окопе и так пробыл до утра. Наступил вечер, пришла и ночь. Пролежал я до одиннадцати часов утра, когда наконец-то помощь подошла. И остался я жив. Вот только сильно обморозился. Пришлось врачам отнять пальцы на левой руке и на оставшейся левой ноге.

Подобрали меня еле живого и на этих же нартах вывезли. Ну а тот раненый, которому мне не довелось помочь, умер из-за большой потери крови.

Написал я из лазарета своей Романовне примерно так же, как поётся в песне: «Дорогая жена, я калека, у меня нету правой ноги...». И говорил ей, что она вправе решать, жить ли ей с таким инвалидом.

А Ксения Романовна и не колебалась, ей сама мысль об отказе от раненого мужа казалась кошунственной. Только одна забота её терзала: где жить? Ведь на квартире, где она снимала комнату, конечно же, с двумя детьми и с беспомощным мужем жить было невозможно.

Хорошо, научила подруга:

— А ты пойдешь в военкомат, поплачь там, да ударь кулаком по столу! Никуда не денутся, дадут квартиру, ведь не за себя же пострадал, за всех нас.

Сделала, как учили, пришла к военкому. В ответ на свою просьбу услышала: «Нет у нас квартир и ничем помочь не можем...»

Но когда Ксения Романовна применила свои «аргументы», стал её успокаивать: «Погоди, погоди, не расстраивайся, может, что и придумаем!»

И стал военком Короблёв выяснять, откуда муж призывался, где работал. Потом позвонил на шахту «Чёрная гора»:

— У вас работал такой-то? Так вот, он покалеченный на фронте, скоро вернётся домой. Дать ему квартиру!

А ему отвечают, что, дескать, пусть жена придёт на шахту. Пришла, и ей выделили комнату в общежитии. Ох, и обрадовалась она. После тесного угла в частной квартире и эта комната показалась хоромами.

Итак, значит, ранило меня десятого марта, — продолжал Петр Макарович свой рассказ. — Война же с финнами закончилась двенадцатого. Однополчане потом рассказывали, что одиннадцатого марта уже боёв не было. Получается, что пострадал я в самый последний день боевых действий!

И сколько бы лет ни прошло со дня ранения, а не утихает в душе боль, досада, недоумение: зачем люди воюют? Зачем убивают, калечат себя? Ведь я бы за свою жизнь мог бы столько совершить прекрасного для людей! Если бы мог только работать в полную силу!

О госпитальной жизни вспоминать особо не хочется — интересного мало. Два раза ампутировали ногу, в первый раз что-то не получилось.

Девятого октября недоленным прибыл с сопровождающим домой. Вскорости навесил меня хирург Белой больницы М. И. Никифоров. Тот самый, который впервые в медицинской практике оперировал под землёй на шахте № 3-3-бис «Центральная», за что был награждён орденом Трудового Красного Знамени. Посмотрел он меня, говорит:

— Отдохни немного, а потом мы начнём тебя лечить.

Он ещё немного подрезал мою культю, и нога зажила. Вплёлся я в косты-

ли. Приспособил протез поудобнее и пошёл. Вдохнула моя Ксюша, до этого она меня на руках от постели до стола носила, почти два года...

Молодость своё брала — никак не хотел я с увечьем мириться. Весной 1941 года с помощью костылей уже по всему городу ходил. Искал работу. Верил, найду что-нибудь себе по силам.

Однако нигде не берут. Как посмотрят на мои руки и ноги, так и разговаривать перестают. Я уж в сапожной мастерской как просил:

— Возьмите меня без оплаты, учеником! Я рядом только буду сидеть, сноровку перейму.

Отказали! Что делать? Сначала-то, пока я в городе, считай, один инвалид войны был, то кое-какие привилегии ещё были. А вот с началом войны с фашистской Германией нас таких стало много. Ну что делать? Ведь в доме ничего нет, один хлеб дают овсяный наполовину с перловкой.

Стал я примеряться шить дамскую обувь. Стало получаться, чем дальше, тем лучше. Сам колодки научился делать. Всё через множество ошибок, удач и неудач. И признали меня в народе, уже в 43-м очередь у меня была на три-четыре месяца вперед.

Из всякого материала приходилось шить — из кожи портфелей, дамских ридикюлей. Что принесут заказчики, из того и шью. Не хвастаясь, скажу: шил прочно, красиво и надёжно! Фальши допустить не мог, не в моей натуре.

Однажды предложили мне купить американское кожаное пальто за одиннадцать тысяч рублей. Таких денег у меня, конечно же, не скапливалось. Но у меня были люди. Как раз накануне четыре девушки с шахты им. Сталина приходили и просили:

— Как только будет материал, так сразу сшейте, в первую очередь. А то на танцы не в чем ходить!

Позвонил я им, и приносят они кучу денег. Доверяли!

Выкупаю пальто и сразу распарываю. На четыре пары туфель для этих девушек ушли рукав и воротник. А остальное, как говорится, в пользу бедных! И таким образом я вышел из положения.

Да! Из всего шили, не привередничали!

В одном только женщина во все времена капризна: вот увидит на ком туфли, которые понравились, приходит и просит:

— Вот и мне бы такие!

— Что ж, — отвечаю, — сделаем! И даже получше!

Всё бы ничего, да финотдел зачастил ко мне, налог стал с меня добиваться взимать за мою индивидуальную деятельность.

— Вы что, хотите, чтобы я с протянутой рукой пошёл на тротуар? — спрашиваю их. — Там никаких налогов не собирают. Так не дождётесь, милостыню просить я не пойду!

Кое-как отбил, пришлось даже в горисполком несколько раз сходиться, доказывать, что нет у меня баснословных доходов.

Занимался я сапожным делом всю войну. А как только война закончилась, надумал сменить занятие. Признаться, тяжело было всё же для меня заниматься сапожным делом.

Выполнил я все свои заказы, что ещё оставались, от новых отказался. Отдыхал дней десять — не могу без работы!

Сажу как-то на скамейке, аккуратно напротив ОРСа «Кировуголь». Выходят оттуда четыре «туза», остановились неподалеку от меня, разговаривают. Кемеровский начальник, слышу, критикует:

— У вас в столовых голые стены! Вы бы хоть картины нарисовали. Ведь есть же в городе художники!

А Яковлев, начальник ОРСа, ему отвечает:

— Художники, конечно же, есть. Но вот только беда — у них нет красок!

И тут я вклинился в разговор:

— Вы меня, конечно, извините, я не художник. Но у меня есть краски. Если разрешите, то я попробую...

Они сразу же ко мне подскочили, по рукам ударили. Сейчас мне даже удивительно, как это, человек не рисовал, а берётся!

Заказал я им, чтобы сделали мне три подрамника и натянули холст на них. С художественных открыток скопировал три вида — пейзажи. Пошёл в ОРС:

— Можете забирать!

Прислали людей за картинами. Скоро принесли и поставили в кабинете. Смотрят. Расхвалили! Все картины понравились.

— Будешь эти три вида нам рисовать! В городе столовых много. Так я и рисовал семь месяцев и заработал неплохо. Только пришло время, когда во всех столовых повесили мои картины. Стали предлагать остаться художником в ОРСе. Но я был вынужден отказаться. Ведь я могу работать только на одном месте, а художник — где вывеску должен повесить, где объявление...

Однако что же делать дальше? Зашел случайно в контору «Прокопторга». Сидит бабка, переплетает конторские документы. Стучит молотком на весь «Прокопторг»!

— Что, — спрашиваю, — платят за такую работу?

Она без утайки мне отвечает:

— О! Хорошо платят, по пятнадцать рублей за папку. Я же делаю до шести папок в день!

«Во! — думаю, — заработок, и никаких расходов». Пришёл домой, сделал станок, коловорот. Всё самодельное. Стал пробовать сшивать бумаги. Получается, и никакого шума, стука.

Прихожу в трест «Сталинуголь», обращаюсь к главному бухгалтеру Борису Николаевичу Зауральскому:

— Вам надо такую работу делать?

— Что вы! У нас ещё с войны бумаги не переплетены!

Принесли мой станок, и начал я делать папки. Сначала по четыре штуки, потом до десяти дошло. Легко делал. До ста пятидесяти рублей в день.

Работал очень много. Зарабатывал неплохо. С 1946-го по 1980 годы переплетал. Весь город обслуживал, дальние шахты привозили бумаги ко мне домой.

И назвал я переплетное дело «золотым дном». Заработка хватало на всё.

В 1960 году дали мне путёвку в Зенковский дом отдыха. Увидел там впервые в своей жизни пианино. И до того запал мне в душу этот инструмент, что места не находил себе! Попробовал было приобрести в магазине. Не получается, большая редкость. Решил сделать сам. Все свободное время, иной раз всю ночь напролёт, мастерил детали. Сколько секретов, сколько головоломок пришлось решать! Ведь всё делалось впервые.

Делал я своё пианино ровно шесть лет. Получилось пятиоктавное, в отличие от заводского — шестиоктавного, потому что пришлось учесть габариты квартиры: пятиоктавное у меня помещается, а шестиоктавное — нет!

Долго бился над настройкой своего инструмента. Прихожу в музыкальную школу, а оттуда меня выставляют вон, не хотят на эту тему разговаривать. Потому что настройка музыкальных инструментов — это же кусок хлеба для мастера-настройщика, как говорится, дружба дружбой, а работа — врозь!

— Что такое? — спрашиваю. — Почему пыль до потолка!?

— Да вот, — жалуется он с досадой. — Не даёт на чекушку опохмелиться!

Я вытаскиваю деньги из кармана:

— Бери, опохмелись!

А сам с нетерпением жду, чтобы он ушёл поскорее, потому что заметил — на столе лежит книжонка. Та самая, что о настройке рассказывает.

Кузьма Васильевич моментом побежал в магазин, а я быстрехонько перелистал книжонку. Вот она, нужная мне страничка! Там всего-то двенадцать нот! Перерисовал их в тетрадку и на место положил.

Вернулся хозяин и первым делом тетрадку в стол спрятал!

...И заиграло пианино! Полюбил я это занятие, много играл, нотную грамоту освоил. А чтобы покалеченная левая рука помогала играть, смастерил для нее механический палец.

Так и играл целых пятнадцать лет, украшал свою и моей Романовны жизнь.

Правда, очень много хлопот было с этим пианино. Дело в том, что оно в комнате занимает много места, квартирка-то наша не барская, всего апартаментов-то — одна комнатёнка да пристроечка — мастерская. Самим негде развернуться, а тут эта вещь большого габарита.

Если пианино поставить в пристройке, то за зиму так расстроится, что долго привожу в порядок. А тут ещё оглох на правое ухо, так и вовсе не могу настраивать. И решил я — сам сделал, сам и сломаю.

Выбросил я пианино, а вот без музыки места не нахожу. Тем более, что с возрастом стала сильно болеть спина, и по городу уже ходить самостоя-

тельно не мог.

Однако и здесь выход нашёлся. Подарили мне списанный аккордеон а затем и баян. Привёл я их немного в порядок, сделал кое-какие приспособления и теперь играю для души.

Правду надо сказать, моя Романовна мои музыкальные способности не высоко ценит, критически настроена.

А вот когда на пианино играл, любил слушать...

...Чтобы записать эту историю, заходил в гости к Антоновым несколько раз. И каждый раз заставлял его и Ксению Романовну за работой. Такое впечатление, что нет у них свободного времени.

Ясным погожим днём Ксения Романовна в своём крохотном огороде выбирает картофель, которого уродилось много. Хозяйка сама поражена:

— Раньше я здесь ничего не садил: складывала весь мусор с огорода, ботву разную, сорняки. И надо же, такая картошка уродилась! Пятнадцать ведер накопили!

На верёвке сушится бельё, а Романовна по половинке ведра носит картофель в погреб:

— Сил-то мало стало! — откровенно призналась тогда хозяйка.

А хозяин, конечно же, на своём рабочем месте — в своей пристройке-мастерской, за мольбертом. На мольберте картина «Заброшенная мельница» в завершающей стадии, воплощение в краску воспоминаний о крестьянской жизни в деревне Кыргай.

— Эта картина у меня уже была на выставках. Но я считаю её незаконченной — какое-то чувство неудовлетворения остаётся. Поэтому продолжаю работу над ней.

Всматриваюсь в картину. Широкая, раздольная река, на берегу стоит мельница, рядом брошены жернова. И неизъяснимая грусть за неустраиваемость крестьянской жизни...

Но что это? На резном шкафу, сделанном также П. М. Антоновым, лежат небольшие дощечки-заготовки для резных ларцов,

— Петр Макарович, вы же в прошлый раз сказали, что резьбой больше не будете заниматься! Тяжело стало...

Ксения Романовна опережает мужа:

— Да разве ж он уймётся? Утерпит? Ведь в себе это не удержишь. А так-то, думается, зачем это надо? Куда столько шкатулок?

Петр Макарович не без гордости пояснил тогда:

— Во-первых, мне приятно делать красивые вещи, а, во-вторых, это мои подарки. Ведь люди, так или иначе, помогают нам. А чем я ещё их могу отблагодарить? Вот и дарю свои шкатулки! Вся Россия мои шкатулки знает. И за рубежом: в Германии, Франции, Венгрии, Чехословакии...

...Память на земле оставил добрую Петр Макарович Антонов, народный умулец, творческой жилки человек. Память, которая хранится в его картинах, многочисленных сувенирах. И, возможно, благодаря ещё и вот этому повествованию.